

Едини́чное

Философская энциклопедия, т. 2, с.102-104.

(отдельное, индивидуальное), – определенное, ограниченное в пространстве и времени тело, вещь, система вещей данного качества, рассматриваемые в их отношении как к самим себе, так и к миру в целом по их качественной определенности; предел количественного деления данного качества. Единичное есть определенность качества внутри него самого, т.е. его однородность с вещами того же качества, служащая объективным основанием для его количественного математического выражения. С этим связана проблема единицы как основания счета. Единичное есть диалектическая противоположность общего. В своей изолированности единичное – такая же пустая абстракция, как и общее без единичного. «...Отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему... Всякое отдельное неполно входит в общее и т.д. и т.д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т.д.»¹

В античной философии единичное рассматривалось как более или менее устойчивое соединение, сочетание одних и тех же, общих любому телу частиц (атомов, гомеомерий) или же как результат количественных изменений, возникающих в одних и тех же всеобщих стихиях (вода, воздух, апейрон, огонь), как результат их сгущения или разрежения. Идеалистическая тенденция выражалась в принятии особого нематериального начала (нус, логос, идея), вносящего в неразличенную, лишенную индивидуальности пассивную материю порядок, форму, качество, пространственно-временные границы (Платон, Аристотель) и тем самым создающего единичное. В качестве исходной точки понимания действительности единичное принималось только представителями софистики с ее тенденцией к крайнему эмпиризму, а также стоиками. Для античной философии в целом было характерно понимание единичного как модификации, продукта саморазличения всеобщего, которое толковалось как материалистически (милетская школа, Гераклит, Левкипп – Демокрит), так и идеалистически (Платон, Аристотель). Вульгаризированные взгляды античного идеализма были восприняты средневековой схоластикой, которая, как правило, рассматривала единичное как нечто несущественное, ущербное, презренное, и с этически-религиозной и с теоретической точки зрения. Единственной формой оппозиции этому взгляду был средневековый номинализм, учивший, что единичное есть единственная реальность, которой всеобщее противостоит только в виде слова, названия. Естествознание и философия 16-18 веков с их направленностью на эмпирическое исследование мира чаще примыкают в понимании единичного к номиналистической традиции. «Всеобщность не принадлежит самим вещам, которые по своему бытию все единичны, не исключая тех слов и идей, которые общи по своему значению»². С этим связано стремление истолковывать всеобщее и универсальное как нечто единичное. Материалистический вариант этой позиции разработан в учениях Гассенди, Ньютона, далее – Гельвеция, Гольбаха в виде представления о том, что мироздание построено из отдельных, неизменных частиц. Идеалистическая версия этого понимания единичного имела место в учении Лейбница о «монадах», а также в философии Беркли и Юма. Глубоко диалектические идеи относительно единичного были развиты Спинозой, согласно которому любое единичное тело или событие есть продукт и форма существования бесконечной природы и потому может быть понято только исследованием способа его рождения из всеобщей субстанциональной первоосновы, которая существует не отдельно от единичных тел, а только в них и через них.

Серьезный шаг к диалектическому пониманию единичного был сделан немецкой классической философией. Единичное понимается у Гегеля как необходимая форма действительности в ее «внешнем существовании», т.е. в пространстве и времени, как момент «различия», противостоящий абстрактному тождеству понятия, как момент определенности, которого абстрактному тождеству недостает. «...Соотносящаяся с самой собой определенность есть *единичность*»³. В этом смысле единичное выступает как необходимый момент понятия, конкретно-всеобщего. Единичное как таковое, как «это», «здесь» и «теперь», представляет собой нечто совершенно неуловимое и неинтересное для мысли и на проверку оказывается чистейшей, никак не определенной абстракцией. Для мысли единичное важно как внутреннее различие внутри всеобщего, как особенное. Однако поскольку для Гегеля всеобщее есть мысль и только мысль, постольку единичное в итоге толкуется в его «Логике» как форма и способ предметной реализации мысли, понятия, идеи, как ступень ее опредмечивания в пространстве и времени. «...Единичность есть не только возвращение понятия в себя само, а непосредственно и его утрата. Через единичность, подобно тому, как понятие есть в ней *внутри себя*, оно становится *вне себя* и вступает в действительность»⁴. Единичное (тело, явление, событие и т.д.) определяется поэтому в итоге только как «положенная абстракция»⁵, не имеющая действительности вне и независимо от мышления. Этот аспект гегелевского понимания единичного подверг острой критике Фейербах, отстаивавший самостоятельное, независимое от мысли, значение единичного, как чувственно-данной реальности, как прообраза понятия, идеи, абстракции, но не справившийся с диалектикой единичного, особенного и всеобщего как в действительности, так и в мышлении.

Материалистическая диалектика, понимая всеобщее прежде всего не как мысль, а как объективную, внутренне присущую материальной субстанции закономерность развития, как универсальную бесконечную зависимость всех единичных тел, явлений, событий друг от друга, определяет единичное как объективную качественно-определенную реальность, как форму бытия материи в пространстве и времени, как важнейший момент действительности. Однако единичному не придается того самодовлеющего значения, которое ему приписывает эмпиризм. Для научного понимания действительности важно не просто единичное как таковое, как нечто абсолютно неповторимое, однократное, то, что Гегель называл «дурной единичностью» (скажем, цена отдельного товара на рынке для политической экономии или цвет волос государственного деятеля для политики), а только такое единичное, в котором выражаются строение и развитие определенной конкретной действительности. Для понимания действительности важно такое единичное, которое выражает свой собственный общий тип. Так, всеобщие определения стоимостной формы в «Капитале» добываются путем анализа отношения «20 аршин холста = 1 сюртуку», т.е. на первый взгляд единичного факта. Разумеется, что важны здесь не сюртук и холст со стороны их «дурной единичности»; могут быть взяты два любых других товара. Единичное здесь раскрывается со стороны его конкретной всеобщности, в диалектическом единстве с ней, как необходимая форма существования всеобщности в действительности. Иными словами, единичное выступает как количественно определенный момент саморазвития, саморазличения качественно определенной действительности. Без раскрытия единичного всеобщность остается пустой абстракцией. Поэтому в непосредственной практике, например в политике, педагогике, медицине и т.д., а также в искусстве, важен учет неповторимой индивидуальности факта, человека, материала и т.д.

В противоположность плоскому эмпиризму, материалистическая диалектика устанавливает, что единичное всегда есть продукт процессов, протекающих по всеобщим закономерностям. Появление, изменение и исчезновение единичного всегда имеют место

внутри определенных всеобщих условий, внутри сложнейшего взаимодействия массы других единичных, т.е. внутри действительности, управляемой конкретно-всеобщими законами. В развивающейся действительности постоянно осуществляется переход, превращение единичного во всеобщее и особенное, и обратно. Действие всеобщей закономерности выражается в единичном и через единичное, а всякая новая всеобщая форма (закономерность) всегда вначале выступает в действительности в виде единичного исключения из всеобщего правила (будь то рождение нового биологического вида, новой формы общественных отношений и т.д.). Никакая реальная система явлений не может развиваться, не выделяя из своего состава новых и новых единичных формообразований, вносящих в нее новые различия, изменяющих ее общий облик. Единичное, таким образом, реализует многообразие в единстве и является необходимой формой развития действительности. При этом сохраняются и воспроизводятся развитием, получая всеобщее значение, лишь такие единичные «исключения», которые соответствуют общей тенденции развития, требованиям, заложенным во всей совокупности условий, и реализуют эти требования своей особенностью, своим отличием от других единичных. Через единичные, случайные отклонения, прокладывает себе дорогу общая необходимость, закономерность.

С другой стороны, только через строжайший анализ и учет единичного, эмпирически данного и фактически удостоверяемого через практическую деятельность людей, наблюдения, эксперименты и исследования совершается дальнейшее углубление (конкретизация) всеобще-теоретических положений, законов науки. Всеобщее раскрывается в понятии только через отражение единичного и его определенности. Благодаря этому подлинно научное понятие и «...воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного»⁶, а не абстрагирует, не отворачивается от него, удерживая в своих определениях лишь «общее» отдельно от единичного, от отдельного, от индивидуального.

Для современной буржуазной философии, главным образом для неопозитивизма и экзистенциализма, характерно однобокое выпячивание единичного в гносеологии, логике, социологии и этике. Являясь в социологии философской опорой буржуазного индивидуализма, в логике и гносеологии это понимание единичного неизбежно приводит к представлению об общем и всеобщем как о чисто субъективных фикциях, как лишь о «терминах» и искусственных правилах для упорядочивания и словесного выражения единичных, неповторимых фактов восприятия, принадлежащих единичному же субъекту.

Э. Ильенков

¹ Ленин В.И. Сочинения, т. 38, с. 359.

² Локк Д. Опыт о человеческом разуме. Москва, 1898, с. 408.

³ Гегель Г.В.Ф. Сочинения, т. VI. Москва, 1939, с. 45.

⁴ Там же, с. 55.

⁵ См.: там же, с. 57.

⁶ Ленин В.И. Сочинения, т. 38, с. 87.